

на моемъ владѣніи землей или деньгами“, говоритъ графъ Толстой. „И потому если человѣкъ точно не любитъ рабства и не хочетъ быть участникомъ въ немъ, то первое что онъ сдѣлаетъ будетъ то что онъ не будетъ пользоваться чужимъ трудомъ ни посредствомъ владѣніи землей, ни посредствомъ денегъ“.

Здѣсь мы встрѣчаемся опять съ неточнымъ опредѣленіемъ. Участіе въ рабствѣ состоитъ не въ пользованіи чужимъ трудомъ, а въ пользованіи чужимъ трудомъ *безвозмездно и противъ воли трудящагося*, иначе и крестьянинъ который переѣзжаетъ черезъ рѣку за три копѣйки оказался бы участникомъ въ рабовладѣльчествѣ, и ребенокъ котораго кормятъ родители—рабовладѣльцемъ своихъ родителей.

Не можетъ быть рабства тамъ гдѣ услуги обусловливаются обмѣномъ и обоюднымъ согласіемъ сторонъ. Даже если обмѣнъ этотъ невыгоденъ для одной изъ сторонъ, рѣчь можетъ идти только объ обманѣ или о притѣсненіи, и слово рабство можетъ быть употреблено только какъ гипербола.

Почти все что говоритъ гр. Толстой о раздѣленіи труда, о собственности и о деньгахъ не выдерживаетъ критики, главнымъ образомъ потому что возрѣніе его на эти вопросы содержитъ одно основное внутреннее противорѣчіе.

Признавъ борьбу съ природой цѣлью и обязанностью каждаго человѣка, нельзя уже потомъ безъ